

УДК 378.14+37.015.3.007.2

Глобализация и неравенство

Т.П. Волков

Современная гуманитарная академия, Москва

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы неравенства через призму глобализационных процессов. Приводятся доводы, опровергающие распространенное мнение о том, что глобализация является причиной неравенства. Также представлены некоторые размышления о путях преодоления неравенства в мировом масштабе.

Abstract. This paper considers the problems of inequality in the light of globalization processes. Russian and foreign authors' views on globalization and inequality have been presented. Some reasons disproving the opinion that globalization causes inequality have been stated. The author has reflected upon possible ways of overcoming inequality.

1. Введение

Глобализация и неравенство – две довольно животрепещущие темы в обсуждении многих отечественных и зарубежных исследователей. Но лишь немногие из них пытались рассмотреть два эти феномена вкупе, выяснить, насколько они взаимно влияют и взаимно зависят друг от друга. Данная работа призвана дополнить спектр работ, посвященных глобализации и неравенству, связав их в качестве объекта исследования.

Целью статьи является показать, какое воздействие имеет глобализация на различные аспекты общественной, экономической и политической жизни различных обществ и является ли она причиной неравенства в мире.

2. Исторический аспект проблемы

Существуют различные взгляды на глобализацию. Некоторые исследователи считают, что она принесла быстрое процветание в развивающиеся страны, а другие говорят о том, что глобализация служит интересам стран-метрополий в ущерб развитию стран, находящихся на мировой периферии.

Неравенство вполне органично вписывается в канву глобализационных процессов, а разделение мира на *центр* и *периферию* считается чем-то имманентным. Но в глобализации ли причина неравенства? Основано ли могущество *стран-ядер* на эксплуатации *периферии*, или же оно достигнуто в связи с некими внутренними закономерностями развития экономических систем ведущих стран? Эти вопросы актуальны тем более, что именно на рубеже веков – и особенно в начале века двадцать первого – были провозглашены цели избавить мир от бедности, сократить пропасть между богатыми и бедными нациями и решить множество других социально-экономических проблем (см., например, United Nations Millennium Project).

Разделение на богатых и бедных возникло с появлением классового общества и продолжает существовать во всех странах. Но особенно отчетливо неравенство стало проявляться в эпоху глобализации – при ошеломляюще стремительных темпах роста благосостояния, мировое богатство еще никогда не распределялось столь неравномерно.

Неравенство существует повсеместно и на различных пластах – начиная с регионов и стран и заканчивая областями и районами городов, хотя оно и имеет различные масштабы в зависимости от условий. С одной стороны, глобализация привела к росту доступных товаров и услуг, а с другой – усугубила социально-экономические противоречия.

Современный этап глобализации, свидетелями которого мы являемся, не представляет собой чего-то нового в смысле интеграционных процессов и смешения социальных и культурных феноменов – взять хотя бы господство Рима и Карфагена над Средиземноморьем в античности, расселение по всему свету европейцев во времена Великих географических открытий или соперничество европейских держав эпохи колониализма.

Глобализация современная унаследовала от глобализации исторической постоянное стремление Запада доминировать над остальным миром. Что касается американской роли лидера глобализации, то она исторически подготовлена лидерством европейским. Об этом пишет в одной из своих работ французский исследователь Жан Франсуа Ревель: "сегодня много говорится об *американском мире*, словосочетание *европейский мир* более подходит для описания двух предыдущих *mondialisations*, ведь именно Европа рассеяла по всем континентам свои капиталы, свою технику, свои языки и своих жителей" (Revel, 2003).

Рассматривая глобализацию в историческом контексте, мы заметим, что одной из ее главных особенностей было формирование новой социальной и хозяйственной культуры в отдаленных регионах мира. Этот процесс способствовал, как правило, ускоренному неестественному и одностороннему развитию населявших эти регионы народов. В среде современных антиглобалистов расхоже мнение, что отсталость большинства стран Третьего мира порождена в первую очередь разрушительными последствиями навязанного "европейским Западом" колониального господства и варварской эксплуатацией европейцами материальных и людских ресурсов целых континентов в ущерб нормальному экономическому и социальному развитию.

Вот как описывает последствия колониализма В. Иноземцев (2003): "В колониальных войнах гибли массы коренного населения. В Европу в гигантских объемах экспортировались такие материальные ресурсы, как золото и драгоценные камни, редкие породы дерева, полезные ископаемые и так далее. Но именно колонизаторы положили начало тем отраслям промышленности и сельского хозяйства, которые подчас и сегодня остаются важнейшими для экономики стран периферии".

В то же время, шведский экономист Юхан Норберг (2007) предлагает взглянуть на данный вопрос под другим углом зрения – с одной стороны, признавая все негативные проявления колониализма, а с другой – отказываясь объяснять разницу в уровне жизни между центром и периферией исключительно его последствиями. Также, он отмечает следующее: "Богатые страны демонстрировали наивысшие темпы экономического роста как раз после утраты колониальных владений. Характерно, что развитие регионов, превращенных в колонии, после этого ускорилось. Некоторые из богатейших стран мира – например, Швейцария и скандинавские страны – вообще никогда не имели сколько-нибудь значительных заморских владений. Другие – США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Гонконг, Сингапур – сами в прошлом были колониями. И наоборот, некоторые из наименее развитых стран мира (Афганистан, Либерия или Непал) никогда не попадали в колониальную зависимость".

Рассматривать европейскую колонизацию как однозначное благо для народов стран мировой периферии не приходится, но вместе с тем, необходимо осознавать, что именно после того, как распались европейские колониальные империи, разрыв в благосостоянии граждан "первого" и Третьего мира стал расти особенно быстро. Если в начале XIX века средние доходы в расчете на душу населения в развитом мире превосходили показатели стран, ныне относящихся к развивающимся, в 1,5-3 раза, а в середине XX – в 7-9 раз, то существующий в наши дни разрыв составляет 50-75 раз (Cohen, 1998). Отсюда видно, насколько расширилась пропасть между богатыми и бедными, причем – не линейно, а с ускорением. Можно ли утверждать, что углублению неравенства способствовали исключительно глобализационные процессы?

Глобализация продемонстрировала, что экономическое развитие *периферии* в еще большей степени, чем раньше, зависит от расклада интересов великих держав. Имеется в виду, что когда западным компаниям понадобилось минимизировать издержки, с одной стороны, и получать дешевый, но качественный импорт – с другой, они устремили взоры к периферийным экономикам, могущим освоить крупные инвестиции и обеспечить высокую эффективность производства.

Но, как известно, у медали – две стороны. "Обратной стороной" для Запада стало то, что американский социолог С. Бенхабиб (2002) называет "обратной глобализацией": миграция населения *периферии* в *центр* приняла угрожающие масштабы. Если раньше (в XIX-XX веках) англичане, шотландцы и ирландцы покидали Острова дабы перебраться в такие страны, как Индия, Канада, США, Австралия и Новая Зеландия, а немцы, голландцы, итальянцы и шведы стремились в Соединенные Штаты, то сейчас мы можем наблюдать нечто обратное. Так, Европа стала домом для многих миллионов иммигрантов из Южной и Юго-Восточной Азии, а также с Ближнего Востока. Мы знаем, к чему это привело. Социальная напряженность – неотъемлемая часть жизни в крупных городах Англии (в остальных частях Великобритании проблем меньше), Франции и, в меньшей степени, Германии.

Что касается США, то следует обратить внимание на такой факт: в середине 90-х годов XX века больше всего иммигрантов прибывало из 10 стран, среди которых не было ни одной европейской и ни одного государства с продолжительной демократической традицией (Wallerstein, 1999).

3. Современная реальность неравенства

В своей оценке сложившейся вокруг неравенства ситуации С. Амин (2007) достаточно критически высказывается о роли капитала в условиях глобализации: "Реально существующий глобализированный либерализм не может породить ничего, кроме усугубления неравенства между народами (глобальной поляризации) и внутри самих народов (глобального Юга и Севера). Это обнищание, непременно сопровождающее накопление капитала, в свою очередь делает невозможной демократию, ликвидируя творческий потенциал в развитых центрах (путем подмены демократией низкой

интенсивности новых шагов в социальном управлении процессом перемен) и упрощая до уровня фарса возможное внедрение на перифериях очевидных демократических политических реформ".

Страны-ядра являются лидерами и, зачастую, инициаторами тех или иных глобализационных процессов. Сама глобализация остается при этом явлением односторонним, превращаясь в *вестернизацию*, а разговоры о единении мира, стертых границах и равных возможностях являются не более чем "пряником", призванным оправдывать деятельность, ущемляющую интересы стран, находящихся за пределами "ядра", то есть – на периферии. Нет, безусловно, открытые границы, общность финансовых и товарных рынков и прочее действительно существуют, но лишь до тех пор, пока это отвечает интересам стран Запада.

Как отмечает В. Иноземцев (2003), речь идет вовсе не об усилении эксплуатации центром периферии, а о безразличии одних стран к другим: "Это иллюстрируется тем, что в начале 90-х годов индустриально развитые государства направляли в страны того же уровня развития 76 % общего объема экспорта и импортировали из развивающихся стран товаров и услуг на сумму, не превышавшую 1,2 % своего суммарного ВВП; суммарные инвестиции Соединенных Штатов, европейских стран и Японии друг в друга, а также в быстро развивающиеся индустриальные страны Азии составляли 94 % общемирового объема прямых иностранных инвестиций".

Ситуация в странах периферии становится все более катастрофической еще и потому, что выработка новых знаний, в отличие от накопления капиталов, не только не боится конкуренции и общения, но и предполагает их. Поэтому если собственники капитала объективно стремятся расширить сферу своего влияния, то носители знаний, напротив, тяготеют к концентрации и консолидации. Если потоки капиталов и сегодня остаются разнонаправленными, то потенциальные создатели знаний мигрируют исключительно из периферии к центру. Процесс социальной поляризации во всемирном масштабе становится поэтому неконтролируемым и необратимым.

Таким образом, современное углубление мирового неравенства не вызывается изменением интенсивности и направленности финансовых и торговых потоков, которые обычно ассоциируются с инструментами глобализации, а сопровождается таковым. Оно представляется результатом не столько внешней экспансии западного мира, сколько его внутреннего прогресса. Впервые в истории неравенство порождается личными усилиями и успехами представителей одной части общества или одной части цивилизации, и потому в соответствии с традиционными представлениями о справедливости "новое неравенство" нельзя признать несправедливым. Возможно, что по мере осознания этого обстоятельства желание реформировать складывающийся мировой порядок будет угасать. В этом контексте мы хотим еще раз подчеркнуть, что глобализация не является причиной роста неравномерности мирового развития, – скорее она как раз не способна стать значимым фактором его преодоления.

По сути, единственной особенностью современного этапа глобализации является то, что границы "периферии", осваиваемой западным миром, простираются в наши дни на весь земной шар. Постоянно расширявшаяся в прошлом "зона интересов" западной цивилизации достигла естественного предела (Иноземцев, 2003). Относительно нетронутыми остаются, пожалуй, только Арктика и Антарктика.

Насколько далеко заходят правительства *стран-ядер* для обеспечения и продвижения своих интересов? Здесь мнения исследователей расходятся. К примеру, В. Иноземцев (2003) считает, что механизмы глобализации в определенной степени изменились: "Во-первых, с каждым новым столетием снижалась и продолжает снижаться роль военной силы в обеспечении позиций западных стран в периферийных регионах. Глобализация, носившая первоначально преимущественно политический характер, сейчас охватывает главным образом экономическую и финансовую сферы. Во-вторых, усилия стран Запада по поддержанию своих доминирующих позиций в мире постоянно сокращаются. Эффективность использования западными странами политического и экономического влияния на периферийные регионы сегодня намного выше, чем двести, сто или даже пятьдесят лет тому назад. Затрачивая минимальные усилия, Запад весьма уверенно контролирует ситуацию в масштабе всей планеты. Установление контроля над остальным миром, достигаемое в ходе нынешнего этапа глобализации, не предполагает включения всей периферии в состав единой цивилизации, строящейся на западных принципах демократии и экономического либерализма. Более того, любой этап глобализации предполагал наличие центра и провинций, метрополии и колоний, экономического ядра и периферии". В свою очередь, С. Амин (2007) фактически говорит об обратном: "Экспансия не может осуществляться исключительно в рамках экономических законов; ее необходимо дополнять политической поддержкой (а если потребуется – и военной) со стороны государств господствующего капитала... Получается, что современное вмешательство Соединенных Штатов является империалистическим в ничуть не меньшей степени, чем все колониальные завоевания XIX столетия. Глобализированный "либеральный"

экономический порядок нуждается в непрекращающейся войне с бесконечной чередой военных вторжений, являющейся единственным способом подчинения народов периферии".

Политическая интервенция господствующих сил (*стран-ядер*) в общества периферии является неотъемлемой частью экономической экспансии в глобальных масштабах. Мировая система вовсе не перешла в новую "неимпериалистическую" фазу. Наоборот, по своей природе это – агрессивная империалистическая система, извлекающая из остального мира все более разнообразные материальные и нематериальные ресурсы. В прошлом империализм был множественным, а нынешний стал коллективным (то есть Тριάдой, состоящей из США, Западной Европы и Японии). При этом, конфликты между партнерами по Триаде носят второстепенный характер, а конфликт "Триада против остального мира" выходит на первый план (Амин, 2007).

Неравенство определяется тем, что одна социальная группа обретает в обществе особые позиции, позволяющие ей перераспределять в свою пользу непропорционально большую часть общественного богатства. Такую возможность открывает перед ней контроль над наиболее редким ресурсом того или иного общества, наиболее редким фактором производства. На ранних этапах социального прогресса важнейшим ресурсом служила военная сила, монополия на нее определяла доминирующий класс общества. Вся история Древнего мира свидетельствует, что контроль над армией обеспечивал все необходимые рычаги управления. В более поздний период, когда прямое принуждение было дополнено некоторыми элементами экономического, важнейшим ресурсом стали земля и другие условия сельскохозяйственного производства, а собственность на землю определяла принадлежность к доминирующему феодальному классу. По мере того, как возникала возможность аккумулировать значительные богатства методами, отличными от эксплуатации крестьянства, роль земли как основного фактора производства снижалась – вплоть до того, что претензии ее собственников на государственную власть стали восприниматься как совершенно бесосновательные. Буржуазный строй, при котором все элементы общественного богатства стали товаром, предопределил превращение капитала в решающий фактор производства, а владение им – в главную предпосылку социальной поляризации.

Переход от индустриальной экономики к экономике знаний считается главной чертой той постиндустриальной трансформации, начало которой относится к 70-м годам XX века. Масштаб перемен, порожденных этим процессом, долгое время не представлялся достаточно отчетливо. В 70-80-е годы многие с восторгом говорили, что информационное общество станет самым свободным и демократическим, так как "информация есть наиболее демократичный источник власти" и открывает возможность участия в общественном производстве без существенного накопления первоначального капитала. Однако вскоре стало ясно, что процесс приобретения и утраты знаний, в отличие от иерархических статусов или денежных богатств, – процесс гораздо более длительный и сложный. Хотя информация и становится все более доступной, но она оказывается наименее демократичным фактором производства, ибо доступность отнюдь не то же самое, что обладание. Это подтверждает и Фрэнсис Фукуяма (*Fukuyama*, 1992): "существующие в наше время в Соединенных Штатах классовые различия объясняются главным образом разницей в полученном образовании; социальное неравенство возникает в результате неравного доступа к образованию, а необразованность становится вечным спутником граждан второго сорта".

Этим и объясняется изменение ориентиров, которые ставят перед собой современные политики и экономисты. Если в 70-е и в начале 80-х сторонники теорий "догоняющего" развития выступали с позиций необходимости сокращения экономического неравенства между "первым" и Третьим миром, то сегодня акцент ставится на искоренение бедности в странах "периферии". Между тем преодоление неравенства и борьба с бедностью – это далеко не одно и то же. Преодоление неравенства предполагает обеспечение условий для самостоятельного развития периферийных стран, сокращение масштабов бедности – увеличение размеров гуманитарной и иных видов помощи. За изменением акцента стоит важнейшая проблема: в современных условиях даже ускоренное развитие отсталых стран не способно существенно изменить сложившееся мировое неравенство.

Перенос акцента с проблемы неравенства на проблему бедности вызван также и тем, что 1990-е годы – один из наиболее успешных в XX веке периодов развития мировой экономики – ознаменовались дальнейшим ростом численности населения, живущего в условиях крайней бедности (менее чем на 1 долл. в день). Несмотря на то, что его доля в совокупном населении планеты снизилась в 1987-1998 годах с 28,3 до 24,0 %, абсолютная численность увеличилась с 1,18 до 1,2 млрд человек. При этом прирост численности населения, живущего за гранью бедности, составил за эти годы в Южной Азии 10,1 %, а в регионах Африки, прилегающих к Сахаре, – 33,9 %. На протяжении второй половины 90-х среднегодовой объем помощи африканским странам, расположенным к югу от Сахары, составлял 18,36 млрд долл., в то время как суммарные иностранные инвестиции в экономику этих государств не превышали 2 млрд долл. в год. Сегодня в США и странах Западной Европы действуют более 8 тысяч

неправительственных организаций, деятельность которых целиком связана с реализацией программ содействия повышению уровня жизни в Третьем мире (*Lancaster, 1999*).

В начале XXI века, в отличие от предшествующих эпох, неравенство порождается принципиально новыми обстоятельствами, которые оказываются общими для всей цивилизации. Основанием современных форм неравенства является неравное участие отдельных групп населения и отдельных стран в развертывании технологической революции. Нынешняя глобализация не порождает неравенства между "первым" и Третьим миром, а лишь распространяет на весь мир действие тех механизмов, которые вот уже несколько десятилетий обуславливают углубление неравенства в рамках самой западной цивилизации (*Иноземцев, 2003*).

Норберг (2007) называет основной причиной глобальной поляризации "неравный доступ к капитализму": "Неравенство в нашем мире действительно связано с капитализмом – но не в том смысле, что капитализм обрекает какие-то народы на нищету, а в том, что он приносит процветание тем странам, где этот строй восторжествовал. Причина неравномерного распределения богатства на планете – в неравномерном распределении капитализма".

Рассматривая перспективы развития глобализационных процессов, *Самир Амин* (2007) утверждает: "требуется разработка политической практики, признание ее абсолютной важности и продвижение общественной и гражданской демократии, с предоставлением народам и нациям в условиях глобализации более широкого поля действия". То есть, Амин предлагает разделить экономическую и политическую составляющие общественной жизни, тем самым позволив обеим этим сферам функционировать с максимальной эффективностью.

Такие исследователи, как *Бхагвати* и *Норберг*, предлагают решить проблему неравенства полноценным подключением периферии к глобализационным процессам. Бедность, по их представлениям, можно искоренить, сделав общество и рынок свободными, в регулируемых рынках и тоталитарных режимах они видят источник многих бед (*Bhagwati, 2004; Норберг, 2007*). И с ними трудно спорить, если посмотреть, например, каких колоссальных успехов смогли добиться Индия, вставшая на путь либеральных реформ, или Китай, постепенно уменьшающий роль государственного управления рынка. Экономике Китая и Индии смогли за достаточно короткое время успешно встроиться в мировую промышленно-финансовую систему и адаптироваться к глобализационным экономическим, в большей степени, и социальным, в меньшей степени, процессам, благодаря своим огромным территориальным, сырьевым и людским ресурсам.

4. Заключение

В статье была рассмотрена связь глобализационных процессов и неравенства. Было показано, как глобализация влияет на те или иные стороны социально-экономической и политической жизни различных обществ. Статья может служить основой для дальнейших исследований вопросов мирового неравенства и бедности. Хочется верить, что глобализация перестанет, наконец, восприниматься как однозначное зло, а перспективы развития человечества не всегда будут рассматриваться исключительно в мрачном свете.

Литература

- Benhabib S.** The claims of culture. Equality and diversity in the global era. *Princeton (NJ), Oxford, Princeton University Press*, p.182, 2002.
- Bhagwati J.N.** In defense of globalization. *Oxford University Press, USA*, 344 p., 2004.
- Cohen D.** The wealth of the world and the poverty of nations. *Cambridge (Ma.), MIT Press*, p.17, 1998.
- Fukuyama F.** The end of history and the last man. *London, Penguin*, 448 p., 1992.
- Lancaster C.** Aid to Africa. So much to do, so little done. *Chicago, London, Univ. of Chicago Press*, table 5, p.70, 1999.
- Revel J.F.** The anti-American obsession: Its functioning, its causes, its inconsequentialness. *San Francisco, Encounter Books*, 2003.
- Wallerstein I.** The end of the world as we know it. Social science for the twenty-first century. *Minneapolis (Mn.), University of Minnesota Press*, 277 p., 1999.
- Амин С.** Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М., Издательство "Европа", 168 с., 2007.
- Иноземцев В.Л.** Глобализация и неравенство: что – причина, что – следствие? *Россия в глобальной политике*, № 1, с.158-175, 2003.
- Норберг Ю.** В защиту глобального капитализма. М., Новое издательство, 272 с., 2007.